

В. Г. Белинский

Русский театр в Петербурге. Ломоносов, или Жизнь и поэзия... соч. Н. А. Полевого

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

РУССКИЙ ТЕАТР В ПЕТЕРБУРГЕ

ЛОМОНОСОВ, ИЛИ ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ, В ПРОЗЕ И СТИХАХ, СОЧ. Н. А. ПОЛЕВОГО

Действие первое: Рыбак; действие второе: Поэт; действие третье: Цепи жизни; действие четвертое: Поэт и люди; действие пятое: Великий человек.

Г-н Полевой и г. Ободовский завладели сценою Александрийского театра, вниманием и восторгом его публики. И если нельзя не завидовать лаврам сих достойных драматургов, то нельзя не завидовать и счастью публики Александрийского театра: она счастливее и английской публики, которая имела одного только Шекспира, и германской, которая имела одного только Шиллера: она, в лице гг. Полевого и Ободовского, имеет вдруг и Шекспира и Шиллера! Г-н Полевой -- это Шекспир публики Александрийского театра; г. Ободовский -- это ее Шиллер. Первый отличается разнообразием своего гения и глубоким знанием сердца человеческого; второй -- избытком лирического чувства, которое так и хлещет у него через край потоком огнедышащей лавы. Там, где у г. Полевого не хватает гения или оказывается недостаток в сердцеведении, он обыкновенно прибегает к балетным сценам и, под звуки жалобно-протяжной музыки, устраивает патетические сцены расставания нежных детей с дражайшими родителями или верного супруга с обожаемою супругою. Там, где у г. Ободовского иссякает на минуту самородный источник бурно-пламенного чувства, он прибегает к пляске, заставляя героя (а иногда и героиню) патетически-патриотической драмы отхватывать в присядку какой-нибудь национальный танец. Обвиняют г. Ободовского в подражании г. Полевому; но ведь и Шиллер подражал Шекспиру! Обвиняют г. Полевого в похищениях у Шекспира, Шиллера, Гете, Мольера, Гюго, Дюма и прочих; но это не только не похищения -- даже не заимствования; известно, что Шекспир брал свое, где ни находил его:¹ то же делает и г. Полевой в качестве Шекспира Александрийского театра. Г-н Полевой пишет и драмы, и комедии, и водевили; Шекспир писал только драмы и комедии: стало быть, гений г. Полевого еще разнообразнее, чем гений Шекспира. Шиллер писал одни драмы и не писал комедий: г. Ободовский тоже пишет одни драмы и не пишет комедий. Г-н Полевой начал свое драматическое поприще подражанием "Гамлету" Шекспира; г. Ободовский начал свое драматическое поприще переводом "Дона Карлоса" Шиллера. Подобно Шекспиру, г. Полевой начал свое драматическое поприще уже в летах зрелого мужества, а до тех пор, подобно Шекспиру, с успехом упражнялся в разных родах искусства, свойственных незрелой юности, и, подобно Шекспиру, начал свое литературное поприще несколькими лирическими пьесами, о которых в свое время известил российскую публику г. Свиньин². Г-н Ободовский, подобно Шиллеру, начал свое драматическое поприще в лета пылкой юности. Нам возразят, может быть, что Шекспир не прибегал к балетным сценам, и Шиллер не заставлял плясать своих героев: так; но ведь нельзя же ни в чем найти совершенного сходства; притом же балетные сцены и пляски можно отнести скорее к усовершенствованию новейшего драматического искусства на сцене Александрийского театра, чем к недостаткам его. После Шекспира и Шиллера драматическое искусство должно же было подвинуться вперед,-- и оно подвинулось: в драмах г. Полевого -- с приличною важностию менуэтной выступки, а в драмах г. Ободовского -- с дробною быстротою малороссийского трепака,-- в чем, сверх того, выразились и степенные лета первого сочинителя и порывистая юность второго. Что же касается до